

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.2

EDN: GIOPZW

(Не)новые вопросы в новых условиях (методологические и этические проблемы в исследованиях беженцев из Украины)

Ссылка для цитирования:

Бредникова О. Е. (Не)новые вопросы в новых условиях (методологические и этические проблемы в исследованиях беженцев из Украины) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 2. С. 34–50. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.2> EDN: GIOPZW

For citation:

Brednikova O. E. (Not)New Questions in New Contexts (Methodological and Ethical Problems in the Studies of Refugees From Ukraine). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 2. P. 34–50. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.2.2>

Бредникова Ольга Евгеньевна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: bred8@yandex.ru

Статья посвящена размышлениям об опыте полевых исследований беженцев из Украины. В ней рассматриваются методологические и этические вопросы и проблемы. Цель работы — выявить проблемные моменты и продемонстрировать, как методологическая чувствительность и рефлексивность могут помочь найти соответствующие исследовательские фокусы и интерпретационные рамки. Первая часть статьи посвящена исследовательским стратегиям, в частности проблемам «быстрого» и «медленного» исследования, а также вопросам наблюдений и специфике интервьюирования беженцев. Использование мозаичной методологии, исследовательских стратегий «быстрой» и «медленной» социологии, различных источников данных и т.д. позволяет находить нетривиальные направления исследований.

Вторая часть статьи посвящена взаимоотношениям исследователя и исследуемого. Гуманитарная перспектива, с одной стороны, универсализирует страдания, с другой стороны, позволяет устанавливать доверительные и личностные отношения и работать с сенситивными темами.

Также рассматриваются вопросы эмпатии и эмоционального сопереживания и проблемы доверия информантов.

Ключевые слова: методология исследования; гуманитарная перспектива исследования; исследовательская этика; беженцы из Украины

Исследование, о котором пойдет речь, оказалось самым непростым и неоднозначным за весь мой долгий опыт работы социологом. Неоднозначность — популярное ныне слово — хорошо отражает мои ощущения от исследования, потому как в ходе работы актуализировалось множество методологических и этических вопросов и проблем, которые казались давно отвеченными и решенными. Новая геополитическая ситуация, изменившиеся социальные контексты не только порождают у социальных исследователей новые тематические фокусы, но и обостряют методологическую рефлексивность, касающуюся адекватности применяемых методов; заставляют искать новый язык, описывающий трансформирующуюся социальную реальность; заново поднимают этические вопросы. И свидетельство тому — дискуссии в академических изданиях [Мельникова, 2023; Гуманитарная наука..., 2023]. Этот текст я вижу не как методологическое пособие или инструкцию, но прежде всего как рефлексию, своего рода размышления вслух о тех исследовательских проблемах и выборах, которые встали передо мной. Цель текста — не дать ответы на возникающие вопросы, но скорее обозначить их, продемонстрировать, как методологическая чувствительность и рефлексивность в исследовании беженцев может помочь нащупать актуальные фокусы и интерпретативные рамки.

Я не планировала это исследование. Оно сложилось спонтанно и даже вопреки желанию и планам, что, впрочем, случается, когда попадаешь в незнакомую или необычную ситуацию и житейский интерес трансформируется в исследовательский. Однако в данном случае исследование казалось мне не совсем уместным и даже неэтичным, потому как было связано с трагедиями людей. Более того, с жизненными трагедиями в их острый период или с малой временной дистанцией. Исследование беженцев из Украины зародилось как волонтерская активность, когда я в апреле — июле 2022 года краткосрочно общалась с бегущими от военных действий людьми, которые ненадолго — проездом — оказались в Санкт-Петербурге. В мои задачи входило встретить, помочь сориентироваться в городе, покормить и проводить людей далее. Эти встречи длились от получаса до нескольких часов, и общение, как правило, выстраивалось по сходным сценариям, разворачивающимся в диапазоне от дистанцированно-вежливых разговоров об, условно говоря, погоде до рассказов о длинном и страшном пути из дома и событиях, предшествовавших этому. В разговоры выстраивались шок и ужас пережитого, растерянность в отношении будущего, недоверие и в то же время человеческая благодарность за помощь. В какой-то момент я решила записывать свои наблюдения и впечатления от этих встреч, что изначально было вызвано не столько исследовательскими интенциями, сколько попыткой

пережить подчас невыносимые эмоции сопереживания и сочувствия. Очень быстро дневниковые записи моих эмоций переформатировались в исследовательский дневник, где фиксировались наши разговоры и этнографические описания коммуникаций. Личные записи стали напоминать «традиционный» дневник наблюдения с исследовательскими рефлексиями и интерпретациями. В итоге в дневниковых записях было зафиксировано пятнадцать коротких «транзитных» встреч с беженцами.

Собранный материал не давал покоя, мне казалось важным, с одной стороны, «дать голос» беженцам, сделать их видимыми хотя бы в моем профессиональном поле, с другой — социологически осмыслить беженство как социальное явление, сравнить его с трудовой миграцией, исследованием которой я занималась долгое время. И потому далее я решила делать «классическое» исследование, разворачивающееся в привычной проектной логике, в рамках которого сформулированы цель и задачи, есть понимание исследовательской стратегии и определены методы. Основным исследовательским методом стало интервьюирование. В качестве информантов выступали беженцы из Украины, которые с весны 2022 года живут в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Часть из них остановились в пункте временного размещения (ПВР) в г. Тихвин, часть — в Санкт-Петербурге и городах Ленинградской области. Всего было взято одиннадцать интервью, из них три интервью с мужчинами и восемь с женщинами, все информанты в возрасте от 27 до 72 лет. В основном это были жители Мариуполя и Харьковской области. В интервью я спрашивала, как складывается жизнь беженцев в настоящий момент — говорили о бытовых проблемах и нуждах, о жизненных стратегиях и видении будущего, о вопросах идентичности и гражданства, об эмоциональных переживаниях беженства и др. Наблюдения и этнографические описания велись лишь в нескольких случаях, когда мне удалось побывать у информантов дома.

Далее в статье я хотела бы поразмышлять над стратегией исследования во временной перспективе, а также о гуманитарной оптике в исследовании и отношениях исследователя и исследуемого.

«Медленная» или «быстрая» социология?

Исследование беженцев неожиданным образом актуализировало для меня вопросы, связанные с темпоральностью, в частности вопросы скорости исследования и проблемы временной дистанции. Долгое время я была сторонницей так называемой медленной социологии. В неспешности, безусловно, есть свои плюсы и даже некое удовольствие. «Медленная» социология позволяет погружаться в тему, долго быть в поле, брать паузу «на подумать», отстраняясь от него, и самое важное — возвращаться в поле с новыми вопросами или проверкой идей и придуманных интерпретационных схем [Богданова, Ткач, 2009]. Безусловно, грантовая экономика, в рамках которой ныне существует академия, не позволяет расслабиться, и мы редко можем позволить себе работать в таком режиме.

Исследование, о котором здесь идет речь, изначально было инициативным и не встраивалось в прокрустово ложе проектной логики с его жесткими временными рамками и ориентацией на неолиберальную эффективность по созданию быстрых «продуктов». Так сложилось, что в нем сочетаются разные исследовательские стратегии, и это, на мой взгляд, обогащает его. В частности, сочетание стратегий «быстрой» и «медленной» работы помогло собрать разный материал, посмотреть на него из разных перспектив в разные моменты времени. В то же время и у «моментального», и у длительного исследования есть своя специфика и свои ограничения.

«Быстрое поле»: наблюдения и разговоры

Наблюдения и разговоры с людьми, бегущими от военных действий, которые делались в ситуации волонтерства, очевидно, можно отнести к «быстрому» исследованию, что связано с краткосрочностью и ограниченностью наблюдений и коммуникаций в момент встречи беженцев и краткосрочной помощи им. Коммуникации проходили «на ходу», «между делом», разговоры не были сфокусированы на какой-то одной теме, а легко переключались с темы на тему в соответствии с ситуацией скользящего общения и конкретных действий, ориентированных на поддержку и помощь. Это были короткие и обрывочные нарративы, с небольшим фактологическим материалом и неразвернутыми рефлексиями. Они, скорее, напоминали короткие высказывания, в которых, однако, можно вычитать много исследовательской информации. В качестве примера хочу привести реакцию Татьяны¹ (примерно сорок лет, Харьковская обл.) на меню в столовой, куда мы зашли перекусить перед тем, как женщина с детьми отправилась далее в путь:

«Ой, нет, только не говядину! Думаю, я не скоро ее захочу. Мы такие консервы целый месяц ели, пока в подвале сидели».

И здесь важна не только информация о пережитом, но и сенсуальные, или телесные, переживания человека, оказавшегося в ситуации военных действий. Материалом для анализа становятся просьбы о помощи. Например, Валентина (63 года) попросила у меня нож, чтобы порезать колбасу в дорогу (она ехала из Харьковской области через Белгород, Петербург и Эстонию в Германию), прокомментировав:

«Купили колбасу неудачную, куском. Ехали в поезде, даже нечем порезать было, так ломали и кусали. Проводница нож не дала. Она же видела наши паспорта, когда мы в поезд садились. Поэтому не дала. А больше мы просить побоялись, в купе всю дорогу сидели, не выходили».

В этом высказывании важно не то, что проводница отказала в просьбе, но интерпретация этого события и общее самоощущение людей,

¹ Здесь и далее все имена изменены.

позиционирование себя в социальном пространстве в рамках конкретной ситуации. Другой пример, к которому я хочу обратиться, — просьба молодой женщины, которая на предложение зайти в столовую поесть перед дорогой отреагировала так:

«Ой, а можно мы лучше зайдём купить дезодорант? Хочу себя хоть нормальным человеком почувствовать — не мылась очень давно. От меня все шарахаются уже, наверно».

В данном случае женщина проговаривает приоритеты своих потребностей, и ей важно восстановить поломанную «нормальность» через привычные практики гигиены, которых она была лишена, из-за чего чувствовала себя исключенной.

В рамках коротких встреч — «быстрого поля», как я его обозначила, — работают не только «уши», но и «глаза». Удивительным образом удается собрать много информации в наблюдениях. В частности, для меня очень информативным стало наблюдение того, что беженцы везут с собой. Например, семейная пара средних лет везла огромный и очень тяжелый чемодан. Им предстоял долгий путь в одну из европейских стран, и они решили немного разгрузиться, оставив ненужные, по мнению супруга, вещи. Татьяна, чуть не плача, советовалась со мной, что выкинуть, а что оставить — четыре банки самодельной тушенки или постельное белье. Необходимость этих вещей женщина объясняла неизвестностью — неизвестно, когда и куда они приедут; неизвестно, как они обустроятся на новом месте; неизвестно, какие доходы у них будут и что они смогут позволить себе купить, и т.д. Татьяна пыталась преодолеть тотальную неопределенность, взяв с собой, по ее мнению, самое необходимое *«на первое время»*. К тому же эти простые вещи наделяются глубоким символическим смыслом — по словам Татьяны, они *«из дома»*, *«что удалось взять с собой»*.

Информативно не только то, что везут с собой беженцы. Часто полиэтиленовый пакет в руках беженца говорит о том, что люди в буквальном смысле бежали. Иногда этот же пакет свидетельствует, что от военных действий бегут люди, у которых в принципе нет опыта путешествий и перемещений — у них не было чемоданов в силу малой мобильности — те попросту были не нужны. Недаром одной из самых востребованных вещей гуманитарного склада, обслуживающего беженцев, оказался чемодан. Беженец — это человек, который пустился в путь не по своей воле, и даже (при)остановка в движении не означает, что спустя время он не продолжит путь.

«Быстрое поле» позволило увидеть потерянность людей, бегущих от военных действий. Это потерянность и в пространстве, и во времени. Маршруты передвижений беженцев, которых я наблюдала во время волонтерства, были извилистыми и неопределенными — в ситуации потери дома люди не понимали, куда им двигаться и где новое место для жизни. Пожилая женщина по имени Валентина совершила, на мой взгляд, невероятное путешествие. Она из Харьковской области, сделала временную остановку в Белгороде, добралась

до Перми, где жила ее двоюродная сестра. Затем она решила вернуться в Белгород — «поближе к дому». Доехав до Москвы, Валентина поменяла маршрут и приехала в Петербург, чтобы далее добраться до Ивангорода и там пересечь границу с Эстонией. Из Нарвы Валентина доехала до Таллина, оттуда отправилась в Варшаву к подруге и, побыв пару дней в Польше, уехала к дочери в Киев. Весь маршрут Валентина совершила на наземном транспорте в силу ограниченности ресурсов, и все ее путешествие уложилось в шесть-семь дней. Такие сложные маршруты беженцев отнюдь не редкость, у большинства моих информантов, или, точнее, клиентов, с которыми я работала как волонтер, передвижения представляли собой сложные нелинейные траектории с неизвестной финальной точкой окончания маршрута.

Люди, бегущие от военных действий, потеряны и во времени. Кажется, что у беженцев сломано представление о будущем — ближайшем и отдаленном: они не понимают не только где им остановиться сегодня на ночь, но и что им в принципе делать дальше, где и как отстраивать свою жизнь заново. Ассоциацию с потерянностью, которая возникла у меня при работе с беженцами, вполне возможно перевести в разряд исследовательской метафоры и попытаться через нее социологически помыслить специфику феномена беженства. Таким образом, «моментальное», или «быстрое», поле дало не только большое количество инсайтов и материалов для анализа, но и подарило концептуальную рамку, которую я предполагаю разрабатывать в дальнейшем.

«Медленное поле»: интервью

Насколько релевантны данные, собранные быстро и, по сути, походя? Я полагаю, что подтвердить адекватность и правильность интерпретаций возможно, развивая исследование дальше. Сейчас, двигаясь по более традиционному исследовательскому пути, я стала брать развернутые интервью с беженцами, которые (при-)остановили свое движение и сейчас живут в Петербурге или Ленинградской области. Я беру с ними многочасовые развернутые биографические и проблемно-ориентированные интервью, при этом такие интервью имеют свою специфику.

Часто интервью идут «не по сценарию», и столь хорошо, как мне казалось, продуманный гайд оказывается невостребованным. Люди подробнейшим образом рассказывают, что с ними произошло дома, и о том, как они убежали от военных действий; они говорят о своей прежней жизни и показывают фотографии разрушенных домов. Эти нарративы, как правило, уже сформированы, и складывается впечатление, что они уже были несколько раз проговорены. Эти нарративы очень герметичны, интервьюеру практически невозможно вклиниться в них. На мои вопросы о жизни «здесь и сейчас» часто уже не хватает ни отведенного на интервью времени, ни сил, и потому разговоры о настоящем моменте не столь развернуты и подробны, как мне бы хотелось в соответствии с исследовательскими задачами.

Совершенно очевидно, что информанты говорят о том, что им важно и больно, чем хочется поделиться. С одной стороны, это хорошо, потому как разговор разворачивается вполне в рамках качественной парадигмы, когда

в интервью поднимаются актуальные для информанта проблемы, а вмешательство интервьюера минимизируется. С другой стороны, я понимаю, что такие рассказы могут свидетельствовать о наличии посттравматического синдрома, и интервью, по сути, становится психотерапевтическим. Я вполне отдаю себе отчет, что такая работа требует профессиональных психологических знаний и компетенций, которыми я не обладаю. У меня есть устойчивый страх нанести вред человеку такими разговорами, что-то разрушить, разбередить и т.д. Свое участие здесь я вижу в активном слушании и эмпатии, что, возможно, не совсем правильно с разных точек зрения, однако сопереживание в данном случае мне лично представляется верной стратегией. После интервью я стараюсь связываться с моими собеседниками, спрашиваю, как у них дела и не нужна ли какая-то помощь. По словам информантов, им важно поговорить с кем-то на тревожащие их темы, однако для дальнейшего исследования, я полагаю, все-таки необходимо проконсультироваться со специалистами.

В интервью с беженцами я не увидела откровенно закрытых или болезненных тем. На предложение поговорить мои информанты обычно соглашались легко, говорили довольно открыто и охотно. Самой непростой и (опять-таки) неоднозначной для меня оказалась тема гражданства и политических предпочтений. Мои коллеги, исследующие беженцев из Донбасса, предлагают рассматривает их как «обычных граждан, которые могут интересоваться политикой и придерживаться целого ряда различных взглядов на политические принципы, такие как демократия и конкретные вопросы внутренней и внешней политики» [Sasse, Lackner, 2020: 357]. Однако, как показывает мое исследование, в интервью тема выбора гражданства и демонстрация собственных политических представлений оказываются наиболее сложными. Несмотря на то что для беженцев из Украины и других перемещенных лиц в РФ есть специальный статус «временное убежище», который дает человеку право на год легализовать свое пребывание в России, структурные условия буквально вынуждают его принять решение об оформлении гражданства. Без российского гражданства сложно устроиться на работу, получить пенсию или (в случае необходимости) дорогостоящее лечение, требующее квот, и пр. Мои собеседники не отказывались говорить на эти темы, но часто медлили с ответами или начинали говорить тише. Иногда они предварительно прощупывали мою позицию, чтобы угадать «правильный ответ». Очевидно, именно в этой теме беженцы чувствуют свою уязвимость в связи с тем, что находятся в новой для себя стране, не все из них имеют четкое представление о своем будущем и о своих планах, а однозначный выбор в пользу одной стороны автоматически исключает их из другой, чего беженцы, возможно, хотели бы избежать. Именно поэтому я полагаю такие разговоры не всегда уместными или, по крайней мере, необходима аналитическая чувствительность к заминкам и полонкам в ходе беседы и исследовательская рефлексивность о позиции в поле и особенностях отношений с информантами.

Интервью с беженцами — эмоционально заряженное мероприятие. Собеседники во время рассказа о своей жизни раскрывают целый спектр сильных как негативных, так и позитивных эмоций. Эмоционально насыщенный

разговор не может оставить интервьюера безучастным, и в беседах с беженцами я обычно проявляю эмпатию, сопереживаю собеседникам. Возможно, это непрофессионально, зато по-человечески. И такая позиция, на мой взгляд, самая адекватная при исследовании травмированных и уязвимых людей. Анализ эмоций, наблюдаемых или совместно произведенных и пережитых во время интервью, очень информативен, ценен с исследовательской точки зрения. Так, внимание к переживаниям информантов мне позволило «выловить» неожиданную, но очень важную для понимания феномена эмоцию — стыд. Стыд, по мнению исследователей, «центральная для морального опыта эмоция», его относят к группе эмоций самосознания и самооценки [Прокофьев, 2017: 38]. Анализ этой эмоции очень информативен. Например предлоги, сопровождающие описание эмоции — стыд за что-то или *перед* кем-то, — демонстрируют социальные диспозиции и моральные ориентиры информанта. Стыд, как мы осознали не так давно, может быть сильной коллективной / разделяемой эмоцией или индивидуально переживаемой и сокрытой. В интервью про переживания стыда информанты иногда рассуждали открыто и развернуто, но чаще лишь коротко обозначали эти переживания. Например, мои собеседники рассказывали, что им *неудобно* ходить в чужой одежде в ситуации, когда нет своей, и в данном случае *неудобно* близко по значению слову *стыдно*. Более внимательная аналитическая работа с эмоцией показала, что она вызвана прежде всего разрушением прежнего социального статуса и попытками выстроить его заново. Отсутствие личных вещей и возможности выбирать их самостоятельно подвергает испытанию личность человека. «Я как будто не я — на мне все чужое!» — говорила мне Людмила (64 года, из Мариуполя, сейчас жительница пункта временного размещения для беженцев в Ленобласти). Я полагаю, что именно эмпатия и чувствительность к эмоциям позволили прийти к интересному и важному тезису о социальной потерянности и личной пересборке.

Развернутые интервью с беженцами я начала проводить осенью 2022 года. Люди, ставшие моими информантами, к моменту нашей встречи уже жили по несколько месяцев в Санкт-Петербурге или в Ленобласти. Возможно, временная дистанция, отделяющая людей от драматического события, и опыт жизни на новом месте были еще слишком малы для развернутых рефлексий. Тем не менее какую-то актуальную информацию, касающуюся бытового устройства, поиска жилья и работы, эмоционального состояния и т.д., мне удалось собрать. В данном случае я вижу бонусы «медленной» социологии, которая позволяет вернуться в поле к тем же информантам. Возвращение не только дает возможность поговорить на темы, которые мы не успели обсудить в предыдущий раз. Лонгитюдное исследование позволит зафиксировать изменения в жизни людей, выявить их жизненные траектории.

Итак, я предлагаю не рассматривать «быстрое» и «медленное» исследование как альтернативы или как разные этапы сбора эмпирического материала. Скорее, они представляют собой разные исследовательские перспективы, или стратегии, в рамках которых собирается разная информация и разные данные. «Быстрое» исследование позволяет увидеть явление «в моменте»,

сосредоточиться на наблюдениях и этнографии. «Медленное» исследование дает возможность работать с лонгитюдом и зафиксировать процессуальность и трансформации, анализировать не только и не столько практики, сколько рефлексии информантов. При этом и та, и другая стратегия имеет свои сильные стороны и ограничения, выловить которые можно с помощью исследовательской чувствительности и аналитики. Разные исследовательские стратегии, на мой взгляд, возможно совмещать и комбинировать в разной последовательности. Они не только дополняют друг друга, но и позволяют уловить противоречия в интерпретациях.

Я полагаю, что в столь непростою исследовании в принципе необходимо использовать мозаичную методологию, в частности искать разные точки входа в поле, работать в связке с другими профессионалами, например с психологами, обращаться к разным источникам и разным исследовательским методам, арсеналом которых обладает качественная социология. Здесь будет уместным заметить, что интервьюирование — не универсальный и всеобъемлющий метод исследования, много важной информации остается за рамками интервью. Наблюдения до и даже во время интервью дают много материала и инсайтов для анализа. Кроме того, важным источником данных могут стать личные дневники беженцев, если появится возможность поработать с ними. В них может быть зафиксирована автором и прочитана исследователем не только событийность, но могут быть отражены повседневность, материальность, телесные и эмоциональные переживания [Шторн, 2021].

Жертва и спасатель?

Позиции и роли исследуемого и исследователя

Я входила в поле через практику волонтерства — обращалась за содействием в рекрутинге к другим волонтерам или знакомилась с будущими информантами, когда сортировала или развозила гуманитарную помощь. Очевидно, что такой вход в поле имеет свою специфику, в частности он задает рамки моей роли и позицию в отношении тех, кого я исследую. Изначально, а возможно и далее, я для исследуемых выступала в роли помощника, или «спасателя», к кому можно и нужно обращаться с просьбами и которой, очевидно, сложно отказать в ответной просьбе об интервью. Можно предположить, что такая диспозиция в поле во многом предопределяет направленность и качество собранного материала, влияет на исследовательскую оптику и выбор интерпретативных рамок.

Мой взгляд на исследование исходит из гуманистической перспективы, когда во главу угла ставятся человеческая жизнь и достоинство, забота о благе и сострадание. Изначальной интенцией в моем исследовании было желание помочь людям, которые в одночасье обнаружили себя на руинах своей жизни — без дома и без планов на будущее. Такая перспектива не нова, и совершенно понятны чувства и желания исследователей помочь людям, испытывающим страдания. Это по-человечески, это правильно. Тем не менее

в социальных исследованиях гуманитарная оптика может иметь непреднамеренные эффекты и последствия. Так, Мириам Тиктин в статье «Транснациональный гуманизм», анализируя трансформацию отношений антропологов к гуманизму и растущую область антропологии гуманизма, рассматривает направления критики гуманистического подхода в исследованиях [Ticktin, 2014]. Одно из направлений критики связано с поворотом в таких исследованиях с заботы о различиях к сосредоточию на страданиях. По мнению исследовательницы, гуманитарная оптика универсализирует человеческие страдания, при этом маскирует и игнорирует социальное и культурное разнообразие, разговор о котором — одна из центральных задач антропологии. Кроме того, гуманистический универсализирующий взгляд на переживающих травму людей может деполитизировать и деисторизировать социальную катастрофу, скрывать ее политическую природу [Ticktin, 2014].

Пожалуй, самой серьезной проблемой гуманистической оптики в исследованиях становится сосредоточие на страдании. Фокусировка на страдании выдвигает на первый план визуальный образ беженца с его «шрамами и травмами», останавливая на них исследовательский взгляд, и гораздо реже — слух, ибо «...» страдающее тело — более надежный отчет о пережитом, чем рассказ о нем» [Malkki, 1996 цит. по: Ticktin, 2014: 276]. В этом смысле даже исследователь в качестве беженцев будет рассматривать и изучать, скорее, мать с детьми или пожилую пару, нежели здорового молодого мужчину, точно так же потерявшего дом. Кроме того, гуманизм работает «здесь и сейчас», а не с долгосрочными перспективами. Исследователи, работающие в рамках гуманитарной перспективы, фокусируются на насущных проблемах по выживанию людей, в то время как поломка или утрата представлений о будущем во многом конституируют феномен беженства. Возвращаясь к предыдущей части статьи, к размышлениям о быстрой социологии, можно сказать, что «моментальный срез» дает картинку потерянности и руинизированности беженцев. Именно таким было мое первое впечатление в исследовании, и, остановившись я исключительно на нем, не увидела бы стратегий адаптации и сценариев переопределения ситуации. Такой взгляд не просто фиксирует страдание, он во многом объективирует беженцев, и исследователь видит скорее жертву, чем субъекта.

Мой вход в поле и изначальные исследовательские интенции связаны именно с гуманитарной оптикой. Я искренне сопереживала и по-прежнему сопереживаю людям, оказавшимся вовлеченными в военные действия и убегающим от них. Сейчас, спустя время, я понимаю, что эмоциональное сопереживание и эмпатия могут иметь негативные последствия для исследования. Пожалуй, профессионализм как раз состоит в том, чтобы увидеть ограничения такого взгляда и отрефлексировать их. Я полагаю, что эта рефлексия вполне эффективна на этапе анализа собранного материала, где уже хорошо видно, как собственные эмоции исследователя задают ход интервью, влияют на формулировку вопросов и, соответственно, ответов. В моем исследовании сопереживание, с одной стороны, задавало траекторию интервью. Люди в рассказах о своей жизни делали акцент на том, что пережили и что

потеряли, о бегстве и пр. В то же время они меньше внимания уделяли организации повседневной жизни «здесь и сейчас», что было важно для моих исследовательских целей. С другой стороны, благодаря эмпатии я смогла сфокусироваться на анализе эмоций, которые часто «проходят мимо», потому как содержание нарративов кажется первичным и более важным.

Вход в поле через волонтерство задавал формат общения с информантами: я была для них прежде всего волонтером, к которому можно и нужно обращаться с просьбами о помощи. Наверное, здесь можно увидеть отношения власти — тому, кто помогает, невозможно отказать или ответить «как-то неправильно». Однако в данном случае я склонна рассматривать эти отношения как некую реципрокность, своего рода обмен услугами. Более того, доверительный разговор оказывается ценностью и для самих информантов, что, очевидно, связано со своего рода дефицитом социальности в условиях разрыва или переструктурирования социальных контактов в ситуации беженства, и с психотерапевтическим эффектом интервью. В то же время просьбы о помощи становятся важным материалом для анализа. Так, обращения о помощи в покупке каких-то вещей или оплате услуг чаще всего связаны с удовлетворением насущных потребностей (например, в средствах гигиены или одежды по сезону) или с ориентацией на будущее (ноутбук для учебы, столярные инструменты для работы). Именно такие просьбы рассматриваются в среде волонтеров как легитимные. Просьбы, выходящие за эти рамки, зачастую могут интерпретироваться как избыточные. В то же время они очень важны. Например, понятна просьба обитателей пунктов временного размещения привезти «что-нибудь вкусненькое к чаю», потому как питание по режиму утомляет. Ситуация отсутствия денег лишает возможности управлять своей жизнью и переживается мучительно. Важны просьбы о вещах, направленные на утверждение или пересборку своей личности, которая была подвергнута лишениям и испытаниям. Например, использовать в повседневной рутине утюжок для волос, иметь возможность выпить чашку кофе в кофейне или выбрать одежду по своему усмотрению, а не ту, что есть на гуманитарных складах, чрезвычайно важно именно для того, чтобы:

«Снова почувствовать себя нормальным человеком» (жен., 37 лет).

Оплату информантам за участие в исследовании в данном случае можно рассматривать как помощь. Обычно деньги за интервью я плачу не так часто, лишь когда это условие грантодателей и бюджет проекта позволяет это делать. Признаться, я не вижу в оплате интервью ничего плохого и разрушительного, мне комфортен такой режим взаимоотношений — он кажется честнее и справедливее. При оплате интервью легче проходит рекрутинг, а само интервью в этом случае может восприниматься как работа, и потому отношение к нему оказывается более ответственным. К тому же формат общения всегда может быть переопределен и в ходе коммуникации стать дружеской и расслабленной беседой — здесь проявляется опыт и искусство интервьюера. Главное условие в таком подходе — адекватность цены или ее эквивалента, потому как четко

работает правило: «Много — не всегда хорошо». Другое ограничение связано с тем, чтобы своими тарифами «не испортить поле» для следующих исследователей, что, впрочем, является другой большой темой для обсуждения. За интервью беженцам я платила свои деньги. Сумма была небольшая, но я чувствовала себя неуютно по многим этическим соображениям, среди которых и неприятное ощущение власти «покупки», и непонимание «цены вопроса», и груз дебата о социальных эффектах патернализма, и др. Однако все эти этические дилеммы и вопросы снимались на уровне личных отношений, которые складывались у нас с собеседниками. Это было искреннее желание помочь конкретным людям, с их жизненными историями и ситуациями. Особенно важно для меня было помочь или оплатить интервью тем (а номинация действия имеет здесь важное значение), кто еще не нашел работу и не получает пенсию, тем самым дать им хотя бы ненадолго ощущение свободы и самоуважения, об утрате которого говорили мои информанты и которое в современном обществе могут обеспечить лишь деньги. Деньги, как правило, я давала уже после интервью. Доверительный разговор, форму которого часто принимали наши интервью, — отнюдь не формат оплачиваемого труда, и в данном случае «послевкусие» оплаты может работать разрушающе. Однако, мне кажется, в данном случае деньги обе стороны рассматривали не как оплату, но именно как поддержку и помощь.

Наконец, мне бы хотелось порассуждать о доверии. Странное дело, но эта тема уже долгое время не актуализировалась в моих исследованиях, и выстраивание доверительных отношений подразумевалось «само собой», присутствовало как неперемное условие и фоновое знание. Однако в исследовании беженцев вопросы доверия неожиданно актуализировались вновь. В частности, встал вопрос, кому доверяют — институту или человеку? Надо ли представлять какую-то исследовательскую институцию, которая стоит за мной (а исследование было инициативным), или достаточно представиться персонально? Вызывает ли доверие моя включенность в волонтерство? Не воспринимают ли меня как представителя государства (что было бы в данном случае совсем неправильно)?

Пожалуй, моя институциональная принадлежность интересовала информантов меньше всего, так как они далеки от внутрироссийского академического поля и наших внутренних дифференциаций, в то время как для жителей РФ, которых я рекрутировала для интервью в последние пять-семь лет, часто эта информация была принципиальной. Выход в поле со стороны волонтерской активности, пожалуй, был плюсом для выстраивания доверительных отношений, так как такой формат известен и понятен моим собеседникам. В данном случае моей целью было без потерь перевести эти отношения в формат доверительной коммуникации между исследователем и исследуемым. Безусловно, я информировала людей и объясняла свои исследовательские интересы и цели. Здесь оказалось важным акцентировать, что я не журналист, обозначить границу между исследовательским и журналистским интервью, так как именно представители СМИ воспринимались с опаской и вызвали институциональное недоверие.

Итак, в этом исследовании я старалась выстроить персонализированные, личностные отношения с информантами, что редко делаю в других исследованиях.

Мне казалось важным построить атмосферу доверия, близости и определенной интимности, чтобы человеку захотелось рассказать свою историю. Такой разговор — не дружеская болтовня, когда собеседники обмениваются мнениями и рассказами «про жизнь». В то же время это не совсем «классическое» интервью с четко распределенными ролями и сценарием, разворачивающимся в рамках «вопрос — ответ». Я была готова пожертвовать возможностью контролировать процесс интервьюирования и направлять разговор в необходимое исследовательское русло. Мне гораздо важнее было услышать то, что хочет сказать мой собеседник — с эмоциями, флешбэками и повторами, отсутствием хронологии, линейности и причинно-следственных связей, дикой мифологизацией и воспроизводством стереотипов. Представляется важным, чтобы человек прежде был выслушан, а все свои исследовательские вопросы я смогу задать в следующий раз, когда вернусь спустя какое-то время. И потому установившиеся при первой встрече взаимные теплые отношения необходимо поддерживать регулярными звонками и банальными вопросами «как дела?» и «что нового?». Доверие и близость надо выстраивать, это процесс, который требует временных и эмоциональных ресурсов. При этом доверие необходимо для откровенных разговоров и поиска сенситивных тем, а также помощи в работе с посттравматическим состоянием. В данном случае проблема поддержания личностных границ как маркера профессионализма мне отнюдь не представляется важной и актуальной.

В исследовании мне не удалось четко обозначить границу между моими ролями волонтера и исследователя. Они оказались взаимосвязанными и сильно переплетенными во время сбора информации. Волонтерство открывало двери и помогало выстроить доверительные отношения. В то же время эта роль имеет свои эффекты и ограничения. В частности, я могу предположить, что при рекрутинге людям было сложно мне отказать, а их участие в исследовании могло быть вынужденным. Или же информанты, видя во мне прежде всего «спасателя», в интервью больше сосредотачивались на темах, связанных с лишениями и проблемами. Так или иначе, исследователем я становилась на этапе анализа собранного материала, прекрасно отдавая себе отчет в специфике моей позиции. При этом в фокусе анализа оказывались не только люди, которых я исследовала, но и я сама и наши с ними отношения. Транскрипты интервью четко демонстрируют мое влияние на ход разговора, а дневниковые записи открывают мои переживания и отношения с беженцами. Остается только увидеть и проанализировать их, что я и пытаюсь сделать на нынешнем этапе работы.

Итак, гуманитарная перспектива в исследовании беженцев, безусловно, имеет свои проблемы и ограничения. В частности, эта перспектива универсализирует страдания, игнорируя социальные различия; ограничивается фокусом на конкретном моменте «здесь и сейчас», не заглядывая в будущее; уходит от анализа причин военных конфликтов и социальных катастроф и — возможно, это самое главное, — формирует отношения между исследуемым и исследователем как отношения жертвы и спасателя. Признаюсь, изменить эту перспективу непросто. Даже перечитывая этот текст, я вижу, как через

номинации беженцев и описание проблем я воспроизвожу ее. Понимая проблему, я пытаюсь убрать из текста бесконечно повторяющиеся высказывания о людях, потерявших дом, и об их руинизированных жизнях. Мне трудно изменить оптику и язык, и я всего лишь в их поиске. В данном случае самое важное — не лишить людей субъектности, увидеть и зафиксировать проявления агентности даже в стесненных условиях уязвимой группы. При этом я вижу гуманитарную перспективу в определенном смысле полезной. Сопереживания и помощь информантам помогают установить личные и персонализированные отношения, что дает возможность нащупать нетривиальные исследовательские фокусы и работать со сложными сенситивными темами. Возможно, такие отношения уместны при изучении беженцев лишь на первоначальных этапах выхода в поле и при сборе материалов, а высокая степень рефлексивности дает свои результаты на этапе аналитики.

Закончить эту часть статьи, посвященную отношениям исследователя и исследуемого, я хотела бы размышлением о партисипаторности, на которую, очевидно, должны ориентироваться современные качественные исследования [Звонарева, Контарева, Попова, 2022: 20], и в особенности исследования таких уязвимых групп, как беженцы [Hugman, Pittaway Bartolomei, 2011]. Гуманитарная оптика, по мнению М. Тиктин, способствует появлению «эмоциональной (и часто морализированной) связи с объектом исследования, что побуждает антропологов к моральному императиву вмешаться» [Ticktin, 2014: 277]. Исследование, о котором здесь идет речь, не стало партисипаторным, или активистским (action research). В своей волонтерской деятельности я не вижу потенциала социальных изменений, а информанты, с которыми я работала и продолжаю работать, не стали со-участниками или со-творцами исследования. Думаю, мне еще предстоит освоить новые исследовательские практики, выполненные в логике action research. Пока же я представляю «голос» беженцев, которых исследую, лишь в академическом сообществе, однако и в этом вижу смысл и гражданскую пользу.

Вместо заключения

«Быстрая» социология, описанная в первой части статьи, — это прежде всего социология быстрых и кардинальных перемен, которые пытаются ухватить и описать социальные исследователи. Многие из нас старались реагировать реактивными исследованиями на пандемию и локдауны. Очевидно, «быстрая» социология предполагает такое же «быстрое» письмо, что, по моему мнению, делать сложнее. В режиме «быстрого» письма мы уже вряд ли можем позволить себе глубоко погрузиться в дискуссию, отстраниться и взять паузу «на подумать». И вообще, иницируя разговор по (относительно) новой теме, чувствуешь себя несколько уязвимым, потому как еще не встроены в существующие дебаты, находишься в поиске адекватного языка и соответствующих интерпретативных схем. При этом откровенно рискуешь навлечь на себя шквал критики. Тем не менее я чувствую необходимость в «быстром письме» по ряду причин.

Екатерина Мельникова в одном из недавних номеров «Антропологического форума» размышляет о феномене немоты в академическом пространстве в настоящее время [Мельникова, Васильева, 2023]. Немота, по ее наблюдениям, может быть вызвана опасениями нормализовать происходящее. Также авторка связывает эффект немоты с отсутствием языка, адекватного описываемым событиям. Этот текст давался мне нелегко, через преодоление моей собственной немоты. Слова, описывающие беженцев, подбирались сложно. И хотя я давно занимаюсь исследованием миграций, исследование беженцев оказалось совсем «про другое», мне пришлось начитывать новый корпус литературы, подходить к анализу собранного материала с другими концептуальными рамками и придумывать новые интерпретационные схемы. К тому же быстрое письмо ставит быстрые диагнозы, однако при этом теряет нюансы, что делает текст несколько категоричным и ангажированным. Для описания полевых находок мне приходилось подбирать нейтральные и менее эмоционально нагруженные слова, хотя хотелось писать иначе. Я поймала себя на том, что не для моих информантов, но для меня есть запретные темы, которые связаны с опасениями любой эскалации, поэтому важным этическим вопросом для меня лично становится самоцензура.

Так или иначе, в этом тексте я хотела поделиться своим опытом в исследовании беженцев, озвучить проблемы и вопросы, с которыми столкнулась в ходе полевой работы. Это исследование освежило мои размышления о методологии и методах, о позиции исследователя и отношениях власти с исследуемым, об этических максимумах, которые вставали передо мной в начале профессионального пути. Тем не менее сейчас все эти вопросы вновь стали актуальными, и о них я попыталась поразмышлять в этой работе. На большинство вопросов ответов я не нашла, среди них:

- этично ли / не травматично ли интервьюировать людей, недавно переживших трагедию?
- корректно ли считать исследованием и использовать в качестве аналитического материала наблюдения, сделанные во время волонтерской активности?
- этично ли делать информантами тех, кому помогаешь?
- правильно ли давать деньги в качестве гуманитарной помощи тем, кого исследуешь?
- можно ли говорить с беженцами на политические темы?
- этично ли в принципе исследование беженцев из Украины российскими исследователями?

И так далее, этот список открыт. Я не знаю верных ответов, но знаю, что вопросы надо продолжать задавать.

Литература

Гуманитарная наука после 24 февраля // Новое литературное обозрение / Пер. с англ. Д. Аронсона. 2023. № 178. С. 29–63. EDN: [AVLLRZ](#)

Богданова Е. А., Ткач О. А. Назад, в «поле»: опыт исследования деревенского сообщества // Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле / Под. ред. В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 102–113.

Звонарева О. И., Контарева А. Ю., Попова Е. В. Введение // Новое время, новое поле. Меняющийся мир качественных исследований и новые технологии / Под. ред. О. Звонаревой, А. Контаревой, Е. Поповой. СПб.: Алетейя, 2021. С. 8–46.

Мельникова Е. А., Васильева З. С. Послесловие к неопубликованному // Антропологический форум. 2023. № 56. С. 11–22. EDN: YDCFOJ DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-11-22>

Прокофьев А. В. Стыд без «ока других» (этический анализ десоциализированной концепции стыда // Человек. 2017. № 4. С. 38–51. EDN: ZCPETT

Шторн Е. #хроники_беженства. СПб.: Порядок слов, 2021

Hugman R., Pittaway E., Bartolomei L. When “Do No Harm” Is Not Enough: The Ethics of Research with Refugees and Other Vulnerable Groups // British Journal of Social Work. 2011. Vol. 41. № 7. P. 1271–1287. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcr013>

Malkki L. Speechless Emissaries: Refugees, Humanitarianism, and Dehistoricization // Cultural Anthropology. 1996. Vol. 11. № 3. P. 377–404. DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1996.11.3.02a00050>

Sasse G., Lackner A. The Displaced as “Ordinary Citizens”: Exploring Variation in the Political Attitudes of the Displaced from Donbas // Europe-Asia Studies. 2020. Vol. 72. № 3. P. 354–382. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1725448>

Ticktin M. Transnational Humanitarianism // Annual Review of Anthropology. 2014. Vol. 43. P. 273–289. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102313-030403>

Сведения об авторе:

Бредникова Ольга Евгеньевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **Email:** bred8@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 533305; **ORCID ID:** 0000-0002-6954-1273; **ResearcherID:** ABD-1736-2020.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2023

Принята к публикации: 15.06.2023

БАК: 5.4.1

(Not)New Questions in New Contexts (Methodological and Ethical Problems in the Studies of Refugees From Ukraine)

DOI: 10.19181/inter.2023.15.2.2

Olga E. Brednikova Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia
E-mail: bred8@yandex.ru

The article is devoted to reflection on the experience of field research of refugees from Ukraine. It examines methodological and ethical issues and problems. The article aims to identify problematic points and to demonstrate how methodological sensitivity and reflexivity can help to find relevant research focuses and interpretative frameworks. The first section of the article is devoted to research strategies, in particular the problems of “fast” and “slow” research, as well as issues of observations and specifics of interviewing of refugees. The use of mosaic methodology,

research strategies of “fast” and “slow” sociology, different sources, etc. allows researchers to find non-trivial research focuses.

The second section of the article is devoted to the relationship between the researcher and the research subject. On the one hand, the humanitarian perspective universalizes suffering, on the other hand, it allows establishing trusting and personalized relationships and working with the sensitive topics. The section also raises the questions of the interviewer's emotional empathy and trust issues.

Keywords: research methodology; humanitarian perspective of research; research ethics; refugees from Ukraine

References

Bogdanova E.A, Tkach O.A. (2009) Nazad, v “pole”: opyt issledovaniya derevenskogo soobshchestva [Back to the Field: The Experience of Exploring the Village Community]. In: V. Voronkov, E. Chikadze (eds.) *Ujti, chtoby ostatsya: Sociolog v pole* [Leave to Stay. Sociologist in the Field]. St. Petersburg: Aleteya. P. 102–113. (In Russ.)

Gumanitarnaya nauka posle 24 fevralya [The Humanities After February 24th] (2023) *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. Transl. from Eng. by D. Aronson. No. 178. P. 29–63. (In Russ.)

Hugman R., Pittaway E., Bartolomei L. (2011) When “Do No Harm” Is Not Enough: The Ethics of Research with Refugees and Other Vulnerable Groups. *British Journal of Social Work*. Vol. 41. No. 7. P. 1271–1287. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcr013>

Malkki L. (1996) Speechless Emissaries: Refugees, Humanitarianism, and Dehistoricization. *Cultural Anthropology*. Vol. 11. No. 3. P. 377–404. DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1996.11.3.02a00050>

Melnikova E.A, Vasileva Z.S. (2023) Posleslovie k neopublikovannomu [Afterwards to an Unpublished Forum]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 56. P. 11–22. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-11-22>

Prokofyev A.V. (2017) Styd bez “oka drugih” (Eticheskij analiz desocializirovannoj koncepcii styda) [Shame Without the “Eye of Others” (An Ethical Analysis of the Desocialized Conception of Shame)]. *Chelovek* [Chelovek]. No. 4. P. 38–51. (In Russ.)

Sasse G., Lackner A. (2020) The Displaced as “Ordinary Citizens”: Exploring Variation in the Political Attitudes of the Displaced from Donbas. *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. No. 3. P. 354–382. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1725448>

Shtorn E. (2021) *#hroniki_bezhenstva* [Chronicles of the Refugee]. St. Petersburg: Poryadok Slov. (In Russ.)

Ticktin M. (2014) Transnational Humanitarianism. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 43. P. 273–289. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102313-030403>

Zvonareva O.I., Kontareva A. Yu., Popova E.V. (2021) Vvedenie [Introduction]. In: O. Zvonareva, A. Kontareva, E. Popova (eds.) *Novoe vremya, novoe pole: Menyayushchij mir kachestvennyh issledovanij i novye tekhnologii* [New Time, New Field: the Changing World of Qualitative Research and New Technologies]. St. Petersburg: Aleteya. P. 8–46. (In Russ.)

Author bio:

Olga E. Brednikova — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **Email:** bred8@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 533305; **ORCID ID:** 0000-0002-6954-1273; **ResearcherID:** ABD-1736-2020.

Received: 02.05.2023

Accepted: 15.06.2023